

— Вы готовы? Давайте изменим боковой план и обойдём Цзян Туна со стороны Гао Куна.

Голос Кун Чэна прервал ошеломлённое состояние Ся Сицина. Он быстро привёл в порядок выражение своего лица и подошёл к тому месту, где только что сидел Цзян Тун.

— Обратите внимание на тряску портативной камеры, не слишком сильно, но демонстрируйте перепады настроения. - Режиссёр Кун многое объяснил о фотографии и сел перед монитором.
— После начала Цзян Тун сел, и Гао Кун сказал, не подходите ко мне слишком близко. Ты понимаешь?

— Ла. - Ся Сицин полуобернулся и опустил голову, его ладони вспотели, сердце бешено колотилось в груди, и не было никакой возможности вернуться к эмоциям Цзян Туна.

— Действуй!

Цзян Тун повернулся и медленно наклонился, готовый сесть рядом с Гао Куном.

Гао Кун внезапно сказал:

— Не подходи ко мне слишком близко.

Цзян Тун был ошеломлён этим предложением, в его глазах читалось недоумение, но он всё же отодвинулся и сел.

Лучше идти дальше.

Цзян Тун сидел на обочине дороги, а платан позади него был заполнен длинными цикадами, которые специально раздаются летом. Одна за другой раздавался сильный резонанс с учащающимся сердцебиением.

Он повернул голову набок, чтобы посмотреть на Гао Куна. Этот человек был похож на какое-то варварское растение или животное. Короче говоря, такого он никогда раньше не видел.

Острые брови, нежное сердце.

— На что ты смотришь?

— Посмотри на себя...

Ся Сицин внезапно проснулся, он только что был сбит с толку.

Такой диалог может состояться только с Ся Сицином и Чжоу Цзихэном, но не с Цзян Туном и Гао Куном.

— Мне очень жаль. – Ся Сицин поднял руку, чтобы схватиться за лоб, но быстро опустил её, поспешно встал и извинился перед персоналом. — Давайте сделаем это снова, я просто забыл свои слова.

Несмотря на то, что он сказал, Чжоу Цзихэн мог ясно видеть.

У Цзян Туна не было слов после того, как Гао Кун только что закончил абзац.

Его глаза смотрели на Ся Сицина, который, очевидно, был немного расстроен, и в его сердце зародилось что-то вроде воображения.

Кун Чэн сказал на том конце:

— Всё в порядке, давайте выпьем ещё по одной или начнём с этого места.

Как раз в тот момент, когда Ся Сицин собирался перезагрузиться, Чжоу Цзихэн заговорил снова.

— Извини, я только что сказал слишком много, что повлияло на твоё состояние.

Он не знал почему, но Ся Сицин внезапно запаниковал, как будто жизнь сняла с него покровы с какой-то невидимой тайны, которая скоро должна была раскрыться, он открыл рот, не подумав:

— Нет. Это не имеет к тебе никакого отношения.

Говорю слишком быстро, как будто я говорю это самому себе.

Регидратацию трудно собрать, в любом случае, когда дело доходит до этого, Ся Сицин просто сказал это более чрезмерно.

— Я даже не помню, что ты только что сказал.

Плотно завернись в свою скорлупу, и ты всё равно не сможешь выйти.

Впервые он был так напуган.

— Действуй!

— На что ты смотришь? – спросил он.

Услышав слова Гао Куна, Цзян Тун повернул голову, не получив никакого ответа.

На самом деле, он хотел яростно спросить человека перед ним, спросить его, почему он следил за ним той ночью и почему хотел убить его.

Если у него всё пройдёт гладко.

Лили произнесла все эти слова, и он определенно задал бы вопрос.

Но он ничего не может с этим поделать. Думая об этом, Цзян Тун просто хотел тихо уйти. Этот человек на самом деле не покончил с собой в прошлый раз. На этот раз он спас его, что является противоречием.

Просто не встречайтесь с ним снова.

Он повернул голову и снова взглянул на него, и обнаружил, что кровь из раны на его бровной дугой всё ещё не полностью свернулась, и кровь закапала ему на щеку.

Кроме того, костяшки его пальцев также были стерты, губы разбиты, а нижняя челюсть в синяках.

Цзян Тун слабо вздохнул, обеими руками натянул свой старый и большой комбинезон и, наконец, расстегнул его, обнажив выстиранные серым чёрные рукава с короткими рукавами внутри.

Он носит эту одежду уже два года, и в швах по бокам продеты нитки.

Цзян Тун схватился за шов рукой и приложил немало усилий, чтобы разорвать его.

Услышав звук трескающейся ткани, Гао Кун повернул голову, чтобы посмотреть на него, и обнаружил, что Цзян Тун порвал подол футболки изнутри, так сильно, что его лицо сморщилось, а затем он оторвал длинную полоску чёрной ткани.

Со вздохом облегчения Цзян Тун наклонился, держа в одной руке тряпку, а в другой готовясь схватить поврежденную правую руку Гао Куна. Прежде чем он успел наткнуться на неё, Гао Кун уклонился от него. Как будто что-то подтолкнуло его, он встал и сделал сразу два шага назад, эмоционально взволнованный:

— Не прикасайся ко мне.

Цзян Тун был ошеломлён на две секунды, затем поднял голову и взглянул на Гао Куна. На его лице было смущённое выражение. Он дважды моргнул, не говоря ни слова. Он убрал руку и засунул чёрную полоску ткани, оторванную от его одежды, обратно в карман. Он опустил голову и быстро застегнул её. Позаботься о пуговицах своего комбинезона.

Опираясь ладонью одной руки о землю, Цзян Тун неохотно встал. Хотя у него всё ещё болит живот и ноги, он просто хочет убраться отсюда прямо сейчас.

Гао Кун наблюдал за его реакцией и за серией его действий, и почувствовал небольшой дискомфорт в своём сердце, похожий на ощущение, когда он случайно наступил на маленькую улитку, когда играл на поле, будучи ребёнком.

Он стиснул свои задние коренные зубы:

— Эй.

Плечи Цзян Туна снова опустились, но на этот раз он не остановился, вместо этого он захромал и ускорил шаг.

Кровь покрывала его ресницы. Гао Кун поднял руку и вытер её тыльной стороной ладони. Он нахмурился и с отвращением посмотрел на кровавое пятно у себя на спине. Затем он посмотрел на упрямого мальчика перед ним. Он поднял ногу и быстро сделал два шага:

— Ты, должно быть, бесполезен, если ходишь так быстро.

Как мог Цзян Тун не знать, что у него так сильно болят ноги, но как бы сильно он ни старался сейчас, он не мог избавиться от людей, стоящих за ним.

С каждым шагом, который он делал, кончик чёрной матерчатой полоски в его кармане несколько раз раскачивался от его неуверенных шагов.

Как только Гао Кун протянул руку, он снял полоску ткани и быстро обернул её несколько раз вокруг ладони, прикрывая кровотокающие костяшки пальцев.

— Я же говорил тебе не уходить.

Ответа нет.

— Стоять□

Цзян Тун, наконец, остановился. Нарушение слуха позволяло ему воспринимать мир только с помощью слуховых аппаратов, вставленных в его уши. Они были такими старыми и жёлтыми, что время от времени издавали шумные и резкие звуки.

Цзян Тун привык к такого рода шуму с тех пор, как впервые надел их, когда ему было десять лет и он был спасён из безмолвного мира.

Но голос человека позади него был слишком ясен, как будто он не использовал этот маленький инструмент, а через другого медиума проник прямо в его сердце.

Это так ясно, что это пугает.

— Я болен. - Другая сторона подошла к нему как ни в чем не бывало, — Из тех, что заражны.

Цзян Тун поднял на него глаза. Слуховой аппарат, встроенный в его ухо, немного болтался. Он вставил его и замер:

— Что...что... болен... - Он всё ещё говорил так же твёрдо, как всегда. Так же серьёзно, как ребёнок, который только научился говорить.

Мальчик с крашеными рыжими волосами опустил голову и ничего не сказал, и Цзян Тун тоже ничего не сказал, стоя перед ним немного скованно.

Камера дрожала, как бьющееся сердце человека.

Брови Гао Куна яростно нахмурились, его пальцы сжимались и разжимались, Адамово яблоко ходило вверх и вниз, как будто застряло у него в горле.

Если вы разберёте тишину на части, это, должно быть, будет невидимая борьба бесчисленное количество раз.

Неважно, что это за тишина.

— Я напугал тебя той ночью. - Наконец он заговорил, но всё ещё опустил голову и пнул ногой маленький камешек. — В то время я был сумасшедшим. Я чувствовал, что долго не проживу. Я не хотел умирать в одиночестве. Никто не знает, где это. Я так чертовски облажался в своей жизни, почему это я, я не сделал ничего плохого, почему я, я просто хотел зарабатывать деньги! И я действительно ничего не могу с этим поделать...

Он сказал много, говорил быстро и с тяжёлыми эмоциями, Цзян Тун ясно расслышал часть сказанного, а остальное зависело от догадок.

Но он услышал, что не хочет умирать в одиночестве.

Я не хочу этого.

Общая точка соприкосновения, которую он внезапно уловил, заставила Цзян Туна ослабить бдительность. Люди иногда бывают такими необъяснимыми. Они были так напуганы до смерти в последнюю секунду, но теперь они внезапно больше не боятся.

Он прикусил губу и попытался заговорить:

— Тогда, тогда...ты...сейчас, сейчас...всё ещё...думаешь...

— Не сейчас. Я был чертовски потрясён в то время, на самом деле, я не хотел убивать тебя после того, как увидел тебя. - Он не закончил то, что сказал, как будто колеблясь, но в конце концов он не продолжил, подумав об этом долгое время.

Вместо этого он поднял голову и поднял свой всё ещё покрытый синяками подбородок к Цзян Туну.

— Меня зовут Гао Кун, как тебя зовут?

Цзян Тун был застигнут врасплох внезапным вопросом:

— Цзян...Цзян...

— Что Цзян?

Расспросы Гао Куна привели Цзян Туна, который от рождения не мог внятно говорить, в ещё большую панику. Некоторое время он так нервничал, что не мог ничего сказать. Кончик его языка был плотно прижат к задней стенке зубов, пытаясь произнести слово «Тун» так сильно, как только мог, но он, казалось, застрял. Он не мог произнести его, и его лицо покраснело от беспокойства.

— Эй, куда ты спешишь. Не прикусывай свой язык. - Он хотел протянуть руку и погладить его, но как только он протянулся и увидел кровь на своей руке. Гао Кун нахмурился, вытянул ногу и коснулся большого пальца.

Цзян Тун внезапно поднял голову.

— Как? Помнишь своё имя? - Гао Кун поднял брови, но случайно потянул за рану на бровной кости и сделал ещё один вдох прохладного воздуха. — Чёрт, это чертовски больно.

— Тун...

— Ткнуть?

Его произношение было не очень точным, и Гао Кун был смущён, когда услышал это:

— Цзян Тун?

Цзян Тун покачал головой, вытянул руку и дважды сделал жест в воздухе, и долго писал в воздухе иероглифы «Тун», но Гао Кун всё ещё не понимал. Он потянулся к руке Гао Куна и собирался в спешке написать на его ладони. Гао Кун снова избежал этого.

Глаза Цзян Туна на мгновение затуманились, машина на дороге с ревом пронеслась мимо, и автомобильный гудок прозвучал резко и отрывисто, напугав птиц, спрятавшихся в густых ветвях и листьях, которые, хлопая крыльями, улетели с недосягаемого неба.

Его безрассудство и паника унесли зелёный лист, как пощёчину, как пёрышко, неторопливо падающее вместе с ветром, кружащееся и падающее между Цзян Туном и Гао Куном.

Цзян Тун протянул руку и схватил его, его тонкая рука поймала лист платана, и заходящее солнце просвечивало сквозь его контур, как будто оно просвечивало через капилляры под белой рукой Цзян Туна.

На мгновение на его лице появилось выражение радости, когда он держал лист и тряс им перед Гао Куном.

— Что ты трясешься? - Гао Кун посмотрел на него с видом дурака. — Разве это не просто лист платана?

Тун? Глаза Гао Куна вспыхнули:

— Тебя зовут Цзян Тун?

Цзян Тун немедленно кивнул, выглядя счастливым.

Чем ближе к ночи, тем темнее и гуще становится цвет заката, добавляя немного крови к чрезмерно бледному лицу Цзян Туна, как к прекрасному фрукту на импортной охлажденной полке в супермаркете.

— Цзян Тун... Всё в порядке, смиришься с этим. - Гао Кун не смог сказать ничего грамотного. Он дважды кашлянул и взял лист у него из рук, поворачивая его на кончике пальца. — Проверяю

тебя, как меня зовут?

— Гао...Кун...

Волшебство в том, что он произносит два слова «Гао Кун» гораздо более стандартно, чем своё собственное имя, и после произнесения на его лице всё ещё было выражение ожидания похвалы.

Гао Кун перестал вертеть пальцы и посмотрел на поверхность листа, которая была довольно чистой.

Он нежно коснулся головы Цзян Туна листом:

— Хорошо, это потрясающе.

— Снято!

Наконец, съёмки этого сегмента закончились перед заходом солнца, и кадры несколько раз переключались в середине. К счастью, сцены с участием двух актёров были связаны, и эффективность не была снижена.

После съёмок Чжоу Цзихэн и Ся Сицин оба подбежали к монитору, чтобы посмотреть. В отличие от опытных ветеранов, таких как Чжоу Цзихэн, Ся Сицин на самом деле немного нервничал в глубине души, хотя обычно он был беспечен и ленив. Как только он что-то начинал, он больше желал соревноваться, чем быть сильным. Всем тяжело.

— Движение ногой, которое только что добавил Гао Кун, хорошее. - Кун Чэн привык называть имя персонажа на съёмочной площадке. Он указал на экран. — Ты просто позаботился об этом, когда прикоснулся к листу обратной стороной. - Он поднял голову, чтобы посмотреть на Чжоу Цзихэна. — Это довольно хорошо. Ты можешь играть всё, что захочешь, прямо на месте. Пока это не влияет на твой прогресс, я абсолютно поощряю это. Не разыгрывай трюки до смерти. Это скучно. Актёры не играют.

Кун Чэн говорил так много, что Ся Сицин был рассеян и не слишком много слушал. Когда Чжоу Цзихэн только вытянул пальцы ног во время съёмок, он уже был поражен и почти заснул.

— Цзян Тун тоже очень хорош, и выражение его глаз очень талантливо.

Ся Сицин пришёл в себя и улыбнулся Кун Дао.

— Давай сначала поедим чего-нибудь, - Кун Чэн взглянул на часы. — Мы пойдём на ночное шоу в 8:30. Гао Кун и Цзян Тун изменят свою внешность сразу после еды.

Чжоу Цзихэн увидел Ся Сицина в оцепенении. Как только директор ушёл, он схватил Ся Сицина за руку:

— В чём дело? Устал?

— Не. - Ся Сицин вытер лицо. — Я немного устал.

Они вдвоём уехали с большей частью команды. Чжоу Цзихэн сел в машину своей няни. Сяо Ло выносил свой ужин. Когда он обернулся, он обнаружил, что Ся Сицин исчез.

— А как насчёт других?

Сяо Ло тут же дважды спросил:

— Ты что, забыл? Сестра Цзян Инь снабдила его машиной с няней и помощником, но она не взяла нашу машину. - Он сунул свои палочки для еды в руку Чжоу Цзихэна. — Ешь быстро, ты действительно не чувствуешь усталости до шести часов утра.

В прошлом, во время съёмок, Чжоу Цзихэн становился неразговорчивым, когда его окликали, и в процессе актёрской игры было поглощено слишком много эмоций, что заставляло его уставать, когда он возвращался к себе, но всё было по-другому, когда рядом был Ся Сицин. Ему не терпелось снова превратиться в Чжоу Цзихэна.

Он добавил зелёный овощ к своим палочкам для еды и отправил его в рот. Это было действительно безвкусно. Чжоу Цзихэн опустил голову и откусил кусочек. Сяо Ло посмотрел на него и спросил:

— Неужели кондиционер недостаточно холодный? Слишком жарко, чтобы есть. - Он опустил его ещё на несколько градусов, услышал шум снаружи, встал со своего места и посмотрел. — Почему здесь так оживлённо?

Он не мог ясно видеть сквозь затемненное стекло, поэтому Сяо Ло просто открыл дверцу машины и высунул голову, чтобы посмотреть:

— Эй, что ты делаешь с улыбкой, ешь фруктовое мороженое? Эй, дай мне один, в чём всё это дело?

Мой маленький помощник был подключён. Чжоу Цзихэн с отвращением поднял голову и взглянул на дверь машины. Кто знал, что он случайно увидит, как Ся Сицин входит в машину на своих длинных ногах, захлопнул дверь и бросил пакет с фруктовым мороженым в его руке на свой стол.

Чжоу Цзихэн не смог скрыть удивления на своём лице:

— Купил это для меня?

— Разве ты не ешь это? - Спросил Ся Сицин, схватив эскимо и разорвав упаковку. — Тогда я съем его сам.

— Ем! - Чжоу Цзихэн быстро схватил эскимо, о котором думал, разорвал упаковку и отправил его в рот. От льда у него задрожали зубы, и он сказал, что это было восхитительно.

— Никто тебя не грабит, это есть у всех.

Оказывается, Ся Сицин купил фруктовое мороженое, о котором только что сказал Сяо Ло.

Чжоу Цзихэн, который понял это, мгновенно разочаровался:

— Это есть у всех.

— Нет, это стоило мне больших денег. - Ся Сицин очень легко взял палочки для еды перед Чжоу Цзихэном и дважды вытащил еду, которую он ел, затем отложил палочки для еды. — Разве ты только что не потребовал фруктовое мороженое и не перестал есть? - Он схватил Чжоу Цзихэна за запястье, протянул ему эскимо и откусил кусочек. — Оно восхитительное.

Видя, что лицо Чжоу Цзихэна всё ещё было несчастным, Ся Сицин внезапно всё понял, подперев подбородок рукой и лениво улыбаясь, его пальцы неторопливо пробежали по лицу:

— Я покупал это для других за три юаня, но я купил это для тебя. Это самый дорогой. В три или четыре слоя.

Чжоу Цзихэн сердито взглянул на него.

— Это нормально, если тебе приходится чувствовать себя несчастным, но ты должен выяснить причинно-следственную связь. - Ся Сицин легонько постучал палочками для еды по торговой коробке в своей руке. — А как насчёт меня, я купил это для того, чтобы они купили тебе фруктовое мороженое, а не для них. Кстати, я принёс тебе одно, понимаешь?

Сливки на мороженом немного растаяли, и оно стекало вниз. Было жаль, Ся Сицин взял руку Чжоу Цзихэна и схватил мороженое:

— Забудь об этом, если ты его не съешь, это пустая трата времени. С таким же успехом я мог бы скормить это собаке.

— Кто сказал, что я больше не буду есть?

Увидев, что Ся Сицин откусил кусочек мороженого и вышел, Чжоу Цзихэн забеспокоился и встал, несмотря ни на что, игнорируя его фигуру ростом 1,9 метра. Он врезался в крышу машины с холодным стуком, в результате чего его центр тяжести покачнулся и упал вниз. Ся Сицин был поражён, когда услышал звук. Он подпрыгнул и быстро обернулся, чтобы посмотреть, но Чжоу Цзихэн бросился вниз в изначально просторной машине няни.

Этот актёр, который никогда не снимался в романтических фильмах, поставил одну из самых вульгарных сцен в драме об идоле, вызванную серией совпадений.

Он упал, крепко прижавшись, и их губы коснулись друг друга.

Мягкое прикосновение заставило Чжоу Цзихэна внезапно проснуться от боли. Он поднял голову, опасаясь прижать Ся Сицина, и быстро встал с него.

— Чёрт... спина Лао-цзы... - Ся Сицин тоже сел, опираясь на талию, его прищуренные глаза слегка расслабились, и зрение медленно прояснилось.

— Извини, я не хотел.

Он снова по привычке извинился, неважно когда.

Мороженое в его руке растаяло пополам, и оно жирно стекало между пальцами. Это скользкое прикосновение вызывало у людей дискомфорт.

Ся Сицин поднял руку, слизнул сливочно-белый крем с кончиков пальцев, лениво опустил глаза и посмотрел на лицо Чжоу Цзихэна, которое было искренним каждый раз, когда он извинялся.

Он откусил кусочек мороженого, опустил на колени, наклонился к Чжоу Цзихэну и поцеловал его в губы.

Холодное и влажное мороженое и мягкие и тёплые губы превратились в кончик языка и яростно вторглись в него в тот момент, когда они прикоснулись к нему. Самое мягкое оружие использовалось для борьбы со льдом и огнём, и насыщенная сладость была неизбежна.

Короткая шалость подошла к концу. Ся Сицин высунул кончик языка и лизнул уголок перепачканного кремом рта Чжоу Цзихэна. Он сунул мороженое, которое вот-вот должно было растаять, обратно в руку Чжоу Цзихэна, его глаза были подняты, а улыбка в его тоне была провокационной и умоляющей.

— Извини, я сделал это нарочно.

Автору есть что сказать:

Сяосяо: Сяо Ло Сяо Ло, твою машину с няней только что немного трянуло, и трясло очень сильно!

Сяо Ло поспешно подбежал, чтобы остановить Сяосяо: Не, не, не открывай дверь!

Улыбка (невинное лицо): Почему?

Сяо Ло (ухмыляясь и отстраняясь): Пойдём поедим фруктового мороженого. Кто знает, что они там делают...

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/14508/1284215>